

Ушанов просыпался рано в любое время года. В окнах забрезжит – а он уже думает, чем будет заниматься сразу с утра, как бы составлял программу на весь световой день. Дел невпроворот: и то надо сделать, и то, а руки одни, да и те поганый фриц подпортил на войне. Воевал в разведке. Пошли однажды в поиск, за «языком» пошли. До этого много раз были за линией фронта и благополучно возвращались, а тут удача отвернулась: на обратном пути, уже за колючкой, видно, зачуял фриц, сидевший в охране, какую-то опасность для себя, ну и пулянул в их сторону гранату, а потом другую. Ушанов на этот раз был замыкающим, так что достал его всё-таки поганый фриц: рвануло рядом, в ногах, и почти напрочь отхватило ему на руках пальцы, изуродовало ладони, на лодыжках мясо ключьями повисло, а сам – без памяти.

Сколько тогда пролежал Ушанов возле немецких окопов, он так и не узнал. Добытого языка ребята доволокли, и живого; а его не досчитались уже в окопах и подумали, что товарища их убило – рванули-то гранаты прямо возле него.

Ушанова уже перед утром подобрали сапёры, оказавшаяся на месте их перехода, и в спешном порядке переправили в санбат, считай, полуживого. Неделю Ушанов не приходил в сознание, но смертушка забрать с собой солдата не сумела – молодой организм её победил; а потом ещё долго валялся он на госпитальной койке перед дорогой домой.

Друзья-разведчики тогда Володьку Ушанова похоронили: сразу оказался он в списке погибших. Потом всё стало на свои места: из списка погибших вычеркнули и оформили наградные документы на медаль «За боевые заслуги» – «язык»-то их оказался ценным. Домой вернулся – родители обрадовались: это ничего, что сшитый и штопанный-перештопанный, словно изношенная рубаха, зато живой. В колхозе для любого человека работу находили, а в доме она вся твоя, каким бы ты ни пришёл.

Всё самое страшное, связанное с войной, для Ушанова оставалось позади. Впереди была целая жизнь, и она несла ему обычные земные заботы, печали и радости, которыми жили его односельчане, сумевшие уцелеть во время оккупации, – как-никак, а, считай, два года под

немцем пробыли. Уже после войны, женившись и отстроив себе домишко, – на высоком берегу полноводного ручья, в рядок с соседями, обзавёлся хозяйством; и управлялись с ним легко и весело, потому что сам он и Маруська его, которую привёл ещё в отцовский дом, свои обязанности знали хорошо. И Ушанов особо не страдал, что на руках его вместо пальцев обрубки и ладони изуродованы: война тоже своё дело знает, и много людей отправила она домой такими, а то и вообще без рук и без ног, похожих на самовар! А миллионы соотечественников вовсе не пришли оттуда и остались там лежать! Ему же сильно повезло: он дома, и для жизни всё есть у него. Давай, человек, стремись к ней, а кто хочет жить, тому Бог жизнь даёт. Наверно, на войне Ушанов сильно хотел жить и потому живёт сегодня.

Выйдут они утром за порог и словно пара рабочих лошадей в одной упряжке: на двор да за двор, да в огород, да к колодцу и обратно, и всё это до завтрака, чтобы только потом накоротке посидеть за столом и побежать на колхозную работу. Точно так и в обеденный час, всё бегом и бегом, и – до вечера.

Всякий дом хозяином хорош, и Володьки Ушанова тоже прославился скоро: Маруська родила ему девочку, и как-то быстро получилось у них это, что люди в деревне стали над ним подшучивать: мол, ну и даёт разведчик, обстругало всего на фронте, а вот главный орган уберёт. И как пригодился он теперь в хозяйстве! А Ушанов не обижался на народ и на судьбу не сетовал – жил да жил со своей Маруської мирком да ладком, старался во всём уважить; и если не получалось, говорил, что для них это как испытание, и надо терпеть. И терпели.

Здравствуй, вечерняя заря, проплывающая по запруде на ручье, весели сердце людям, хотя они редко когда замечают красоты земли и неба, с которыми каждый день, каждую минуту драгоценного земного времени. А ещё радостней, когда слышатся в доме детские голоса: вместе с ними вливается в родительское сердце великое чувство родства со всем земным, что их окружает. Вот они, их сладкоголосые, пошли по жизни, и всё, что рядом и вокруг, также вливается радостью в их детские сердца.

Как-то незадолго после свадьбы Маруська пооткровенничала, что хорошо бы прикупить у какого-нибудь пчеловода баночку меду – давно не пробовала, да и ребёночку, который скоро у них будет, витамины всякие нужны. В округе пасеки были, и Володька мёду принёс, а слова её взял на заметку. И скоро за домом, ближе к огороду, поставил он два улья, принёс и несколько рамок для них. Пчеловодов в его роду никогда не было, и это новое дело давалось ему с трудом. Маруська иронически улыбалась: как ей казалось, позабавится, позабавится мужик и остынет. Не остыл, но почудить со своей пасекой почудил; и при всём при этом жена смотрела на его новую заботу одобрительно, полагая, что с ней он как бы ближе станет к дому и меньше будет всяких дел на стороне.

Маруська недооценила его способности: Ушанов успевал везде и был в большом довольстве.

– Ну, всё, – говорил он, потирая израненные руки, от которых после его похода к ульям уже постоянно пахло воском и дымом, – теперь тебя буду кормить своим мёдом, и вволю, – ты мёд-то любишь.

Первое же лето мёдом их порадовало. Соседка Боганиха, наверно, завидуя Маруське, съязвила:

– Маруська твоя много мёду ест. Теперь ожидай: пчелу она тебе родит.

А Маруська как раз доживала срок. Володька перевёл соседкины слова в шутку и переадресовал их жене. Когда она узнала, откуда у этой шутки выросли ноги, при первой же встрече с соседкой выговорила:

– Испугалась, что я рожу пчелу? Кто не раживал, тому страшно видится; и не тебе бы эти слова говорить.

Боганиха намёк поняла: на неё обиделись. А Маруське и самой стало неприятно: уловила, как потемнела лицом соседка, и по-бабьи её стало жалко. Мысленно ругнув себя, мол, попридержала бы лучше язык, тут же доверительно добавила:

– Чую, соседка, девочку я рожу, и крупная будет.

Маруська оказалась права только наполовину: родила девочку, но не настолько крупную, чтобы можно было однажды сказать той же Боганихе: «Я тебе говорила, что чуюла... чуюла, что тяжело было носить».

Ушанов хотел парня, но всё равно не опечалился: Пчела – так Пчела, а ребята ещё будут. И устроил для себя праздник: обмывал и обмывал свою Тоньку-Пчелку, а по записи в сельсовете – Антонину Владимировну. И потом каждый год традиции этой не изменял: в день рождения дочери уже с раннего утра в доме слышался его нетрезвый разговор, но самые хорошие слова были в её адрес. В этот день Ушанова за выпивку особо не ругали, просто слушали его откровения о жизни, которая, как он считал, из года в год приносила ему всякое. Конечно, он по-своему счастлив: для дома делает всё, что должен делать для семьи нормальный человек; и, может, начал бы загибать пальцы и перечислять, что он делает, но не начинал: пальцы-то на его руках фашист проклятый двумя гранатами отсёк – какие по самую хряпку, какие наполовину; словно не хотел тот фриц, чтобы Володька Ушанов вёл особый счёт его злым делам и своим – добрым.

И дочка выросла у него на глазах – светлая, весёлая, как мать, иногда задумчивая, а глаза её светили добротой даже в минуты большой обиды или грусти. И теперь казалось ему, что вся родная сторона, – зелёный выгон, запруда на ручье, прозрачные осенние лужицы и синее небо над головой, и вспаханное поле у барского леса, и всё-всё, что рядом и дальше, – наблюдает за ним глазами дочери и жены. Нет, ему не казалось, а всё так и было в их реальной жизни. Иногда они напоминали Ушанову, как он чудил в своих домашних делах, хотя и сам их помнил хорошо, ведь именно он в них и есть главный герой; но хозяину дома интересно знать, что представлял на тот момент он в их глазах.

– Тоже мне пчеловод, – смеялась жена. – Ну-ка, Тоня, расскажи ему, как он вчера ходил на пчёл своих смотреть.

Ушанов для вида не зло ворчал что-то в их сторону: мол, будете придумывать всякое, но дочь уже не могла не рассказать, а он тоже не мог не выслушать.

– Па, ясно, что сильно выпивши был, а пчёлы пьяных не любят...

Смотреть со стороны: Ушанову зачитывали приговор. Он и сам хорошо помнил, как вчера заспешил с работы домой пораньше, чтобы

успеть до вечера поставить в ульи по паре рамок с вощиной. Шёл-то мимо магазина, а там друзья-товарищи, ну и поманили его пальчиком за магазин. Ушанов безотказный в таких делах... Словом, поднагрузился там он хорошо, но главное – время упустил, а пчёлы поздние визиты в ульи не приветствуют. Пчеловод только снял с улья крышку, намереваясь отставить её в сторону, повернулся, а она из рук возьми да и выскользнула. Удар по улью был не особо сильным, но вполне достаточным для того, чтобы пчёлы подняли тревогу. Секунды – и они облепили его открытые руки, полезли в рукава, под рубаху и в штаны. А он, как медведь на пасеке, сперва стоял и отбивался от них руками, потом смахивал их с себя, смахивал, смахивал – и вдруг побежал.

– Получил? – то ли спрашивала, то утверждала наблюдавшая за этой комедией жена; но судить по голосу – она ликовала: свершилось возмездие за пьянку в рабочее время. И всё приговаривала:

– Мало тебе, мало. Будешь знать, когда и сколько пить.

Мать с дочерью смеялись, а он недовольно пыхтел, при этом смех домочадцев был для него как моральная поддержка человеку, попавшему в большую беду.

А Тоньке-Пчёлке нравилась размеренная деревенская жизнь. И то, как мать справлялась с домашними делами, заставляло её думать, что она обязательно будет делать всё также. Почему именно так? Мать создавала в доме уют, когда чисто и тепло, в печке потрескивают дрова, а она лежит на печке, на горячих кирпичках, и слушает их потрескивание; и пахнет дровами, по земляному полу красные отблески – они тоже от горящих дров. Тонька-Пчёлка любила этот уют, а потом научилась сама его создавать: мыла-скоблила скамейки, подметала пол и, конечно, топила печь.

Ещё нравилось ходить с матерью в огород – обирать огурцы, помидоры. В один из дней повстречалась им на меже Боганиха, в фартуке – молодая картошка. И похвалилась:

– Глянь, Пчёлочка, с одного куста сколько накопила.

Мать почему-то и не повернула в её сторону голову, чтобы оценить Боганихин урожай. Когда соседка ушла, она сказала:

– И чего брехать человеку? Да она с пяти кустов накопила, видишь ботву?

Мать всё схватить успела одним взглядом, и сама же ответила на свой вопрос:

– Это как болезнь у них, никогда правду не скажут. Я недавно пошла к ним попросить хлеба в долг. Невестка сидит на сундуке и пряники жуёт, Боганиха – возле стола. Я к ней. «С хлебом, – говорю, – промахнулись, на ужин даже не осталось. Дай полбуханочки». Она мне: «Нету». Нету, – значит, нету. И ушла. Где-то через полчаса копаюсь в огороде, а невестка идет мимо и спрашивает: чего, мол, приходила?

– Хлеба одолжить, – говорю.

– И что?

– Сказала – нету.

– Да она утром в магазин ходила и целую сумку принесла...

Летом на Фроловом конце деревни – как в сказке: стоит своя тишина, настоящая на разнотравье и разноцветье. В запруде барахтаются гуси – стада не особо большие, потому что на гусей выпал год неудачный; а водят их в каждом доме, которые в рядок по высокому берегу. Но это ещё склон, огороды выше. За ними громоздятся колхозные постройки: гаражи, складские помещения, высоченный сортировальный пункт мехтока, с завальными ямами, ещё двухэтажное административное здание правления и сельсовета – все они как раз и защищают Фролов конец от злых господствующих ветров. Солнце утром высветит дома, – они на склоне как на тёплой ладони, – а потом хозяйкой целый день заглядывает в окна; у петухов, конечно, перекличка, и уже не первая и не третья; стадо в пойму просопит-пропыхтит, оставив после себя запахи скотных дворов и лёгкую пыль, оседающую на придорожные кусты; с высокого берега медленно сползёт поздний утиный выводок – осторожно так, словно опасаясь вражеского нападения с земли или с воздуха.

А к вечеру всё наоборот: солнце – с другой стороны, как и стадо; и люди к домам, только гуси от воды не торопятся, даже могут там заночевать. Но у Бога таких дней – не решето, мало их у него. Глянень: промчались они с тёплыми зорями и слепыми дождями, прошумели по спелым хлебам и примятым отавам, и только туман

ключьями по деревенской улице да над ручьём. Это значит: на подходе другие дни, когда усталый человек торопится под крышу и душа его приюта ищет. И если летние дни всегда похожи на сказки, то осенние и зимние ночи озвучивались героями народных сказок, а сны были наполнены романтическими мечтаниями, которые приходят, когда человек, словно созревающий на ветке плод, живёт в предвкушении чего-то значимого.

По вечерам отец с матерью уходили к Васяке с Дуней слушать сказки – Васяка был великим мастером выдумывать их; и Пчёлка с подружками, ещё маленькие, тоже ходили. Бывало, до полуночи просидят, и Васяка столько понавывает страшных историй про чертей страшолюдных всяких и домовых да про всякие сверхъестественные силы, что даже в хате им становилось страшно. А сам он – горбом к плите, голос глуховатый, словно с того света доносится. У них мороз по коже, жмутся друг к другу со страха; и убежали бы домой, да тёмной ночью ещё страшнее: дорога-то мимо старых раки, где, по словам Васяки, черти и водятся. Просто жуть!.. Но домой-то надо всё равно. И побегут они что есть мочи; а сравниваются с ракинтами – и вовсе помчатся сломя голову, как на земле никто ещё, наверно, и не бегал.

Осень и зима – не пчелиное время, но Тонька-Пчёлка, худенькая и стройная девочка, в это холодное время года пребывала в тепле и радости, потому что ходила в школу, где были подружки верные, которые скучать не позволяли. Вот оно, благодатное время, когда полудетские сны девочки и реальность сливались в единое русло! И тогда её внутренний мир становился ещё теплее и туманнее; и всё, что её окружало и доступно было взгляду, в какие-то минуты вызывало необъяснимый восторг. А ещё подступало к ней непонятное волнение, словно бы ветер, такой же тёплый-тёплый и нежный, тревожил гладь её души, и тогда, как ей казалось, совсем по-взрослому начинало стучать её сердечко.

Пчёлка не задумывалась, испытывают ли такие чувства её подружки, видят ли такие сладкие сны, какие к ней приходят по ночам, чтобы потом их пережить ещё, уже в реальном

времени. О своих же снах она никому не рассказывала, и ей никто с таким секретом не открылся. Да и смогла бы передать она словами состояние души, в котором пребывала, мечтательно улыбаясь и раскинув руки по подушкам? Наверно, нет, потому что у этой худенькой и стройной девочки ещё не было жизненного опыта и нужного запаса слов – всё это к ней придёт позднее.

2

Отец сидит за углом дома на широкой, выскобленной добела скамейке, рядом с ним – эмалированная посуда с медовухой и стакан. Медовуху наловчился он готовить уже давно, и получалась она всегда неплохого качества, – это если успевала дозреть, – крепкой, но мягкой и с приятным запахом мёда и ещё чего-то.

– Всех трав, что на лугу; а ещё липы цвели в барском лесу и белая акация по посадкам, – пояснял он несведущему человеку.

Пил Володька свою медовуху всегда из большого стакана, но наливал в него не больше половины, и при этом тоже иногда пояснял:

– Фронтальная привычка: наркомовские сто грамм. Выпивали за живых, поминали павших. Я, может, давно бы уже на том свете был, а то вот сижу здесь и медовухой забавляюсь. Меня хирург выходил. Видит, что я никакой, труп, одним словом, ну и стал он мне спиртику давать – сначала чуток, потом прибавил, я и ожил.

В стакане снова забулькало.

– Не хватит ли тебе, – это мать ему из кухни, через открытое окно.

Потом она появляется из-за угла дома, забирает у него стакан, посудину с недопитой медовухой и уходит. Где-то через полчаса выглядывает из окна снова, чтобы посмотреть на мужа, в каком он виде.

– Ты живой? – громко спрашивает у него.

Ответ сразу:

– Куда я денусь. На спирту я до ста лет дотяну.

– Дотянет он, – в её голосе нотки иронии. – Ты посчитай, сколько таких, как ты, давно уже там.

– Дотяну, – еле ворочая языком, не сдаётся бывший разведчик. – Мне ещё надо Пчёлку замуж отдать да сыновей женить, а там уже легче будет.

– Что, тяжело стало? Так тебе и надо, – не зло говорит Маруська. – Ребят он женить собрался... – и вдруг решительно заявляет: – Погоди, придет Тонька с ребятами, мы за тебя возьмёмся.

Володька уже не слышит: рядом со скамейкой бросил под себя старую фуфайку, под головой картуз, и сразу захрапел – тоже фронтальная привычка.

Маруська ему парня всё-таки родила, не долго думавши, и второго – Ивана и Лёньку. Озорниками росли большими, всё, бывало, подглядывали за ней, когда с провожатыми сидела на брёвнах, и выкрикивали свои безобидные дразнилки: «Жених и невеста объелись теста!» Теперь подросли, стали совсем другими.

Тонька-Пчёлка уехала с ними первым автобусом в райцентр – прикупить что-нибудь из одежды-обуви. Одиннадцать классов она закончила, за лето хорошо отдохнула и теперь настраивалась учиться дальше.

– Поедешь на сапожника учиться, – сказал ей как-то отец. – В городе есть профтехучилище, где их готовят, а работать будешь на обувной фабрике.

– Ещё чего выдумал, советчик, – заспорила с ним мать. – А ты у меня спросил? Я лучше тебя знаю, как ей устраивать свою жизнь дальше. Пусть на швею идёт.

Отца трудно переубедить; и теперь он на повышенных тонах:

– Какая из неё швея, если она мне ещё ни разу ни одну рубашку не зачинала и ни одной пуговицы не пришила!..

Мать тоже не уступает:

– А ты у неё самой спросил? Может, она пойдёт не учиться, а замуж!..

– Во-во, – сердито выдохнул отец, – как сами всю жизнь в неучах проходили, такую же судьбу и дочери загадала.

И разговор на тему дальнейшей учёбы Тоньки-Пчёлки сам по себе отошёл на второй план. Это как же они не просчитали второй вариант: да, вдруг она и выйдет замуж – женихов-то у неё вон сколько!.. Их отцу считать на пальцах не придётся, а мать и так знает, кто к ней дорожку притоптал. Знает и кое-когда в советчиках у дочери бывает – без этого не обходилась в своё время и она.

И всё-таки лучше самой Тоньки-Пчёлки никто не мог знать, сколько у неё ухажёров и кто из них ближе к сердцу. Вот ходил к ней из соседней деревни Витя Наумов – красивый, обходительный парень; может, с какими-то причудами и был, хотя – оглянуться вокруг – в деревне они у каждого, как почти у каждого своё деревенское прозвище. Витю кто-то когда-то назвал Пупком, и оно настолько крепко прилипло к нему, что и сам он своё настоящее имя, наверно, забыл – люди-то к нему: Пупок да Пупок.

Ходил парень, ходил, – видно, души в ней не чаял, но мать почему-то была против, чтобы они дружили. Однажды пришёл под вечер, и сидели они на брёвнах, которые отец заготовил для сарая. Мать увидела в окно, что слишком близко уже сидят, вышла на порог и на неё:

– Тоньк, домой.

Сердито так, в общем, сурово. Потом на него:

– А ты, Пупок, что ходишь к ней? Нечего ходить.

– Жениться на ней буду, – серьёзно ответил он.

– Смотрите, люди: жених пришёл. А ты знаешь, что она ничего делать не умеет, даже стирать? Не знаешь? А женишься на ней – всю жизнь будешь ходить в грязных штанах.

– Не-е-е, – тянул жених, – всё равно как-то сумеет; а я двумя пальчиками возьму их и в речке пополоסקаю, а потом на забор повешу.

Почему он полоскал бы только двумя пальчиками, они с матерью так и не поняли, и спросить не спросили; но при этом знали, что так берут какую-то вещь, выказывая тем самым брезгливое отношение к ней или к её хозяину. А тут... В общем, не прояснили.

А Тоньке-Пчёлке сильно нравился Иван Наумов, если говорить точнее, она в него влюбилась. Весь он был для неё хороший-хороший. Чёрная рубашка и простые истёртые брючки на нём смотрелись; и совсем не портила вида круглая, как футбольный мяч, голова, неизвестно от чего облысевшая в таком возрасте. И когда Тонька-Пчёлка стояла рядом с ним или даже просто смотрела на него издали, всю её обдавало жаром, сердце начинало учащённо биться, словно птица в тесной клетке, стремящаяся вырваться на волю.

Пупок глазастый – всё видел и понимал; и крепко по всему её любил. Уйдя в армию, писал

ей письма; полагая, что у неё с Иваном любовь не разлей вода, в письмах исстрадался и всё уговаривал бросить его, потому что тот лысый и штаны у него на заднице худые. Но у Ивана была своя дорога, и Тонька-Пчёлка его совсем не бросала, потому что он сделал выбор сам. Дорогой для неё человек прошёл мимо и связал свою судьбу с другой, а у Тоньки-Пчёлки такое состояние души по отношению к нему останется на всю жизнь. Однажды зимой, уже после его свадьбы, шла она на полустанок, к поезду. Дорога мимо его дома, и чем ближе к нему подходила, тем сильнее охватывал её жар; и так хотелось, чтобы Иван оказался где-нибудь возле дома или, может, вышел бы на порог, – увидеть бы его хоть одним глазком. Не увидела, но всё равно сгорала, как в огне.

Через год после свадьбы, приехав по каким-то делам в райцентр, а может, и специально, Иван нашёл её, считай, уже выпускницу одиннадцатилетки. И снова дрогнуло хрупкое Пчёлкино сердце, и готова уже была пойти с ним – как же горячо он звал её тогда! Но что-то у неё внутри сработало – тому виной была, наверно, мать, которая секреты её знала и свой дала совет: «Не лезь к нему, не разбивай семью»; и Тонька-Пчёлка пересилила себя, сказала: «Нет».

А может, вовсе и не мать тому была виной, а соседский парень, что постарше её был года на два и тоже нравился. И не потому ли перепел в груди всё чаще и чаще проявлял беспокойство? Увидит его – в оранжевой рубашке, в горошек, – и не находит себе места, из рук всё валится и уроки на ум не идут. Но, видно, тоже не судьба была: Тоньку-Пчёлку он не заметил, даже на проводы в армию не пригласил. А Галю Воронкову – да; и она подарила ему в тот день бритву и провожала его до самого призывного пункта, что в Орле. Как же, дружили они, если не ещё что-то тайное между ними было.

Тонька-Пчёлка знала, что Галя исправно получает от него из армии письма; и как же ей хотелось, чтобы писем этих вообще не было, чтобы они раздружили. «Хоть бы не дождалась, – думала она в минуты одиночества. – А когда он придёт из армии – я выйду за него замуж». Мечты её сбылись наполовину: солдата и его подругу судьба развела в разные стороны. Придя

из армии, он как-то быстро так приглядел себе другую и тут же сыграл свадьбу.

Время не стояло на месте. И у Тоньки-Пчёлки в жизни происходили какие-то изменения. Ну, что женился любимый человек – тут всё ясно. Ещё – ушёл в армию Витька-Пупок, и она почувствовала себя одинокой. Подружки не в счёт: от общения с ними сердце не дрогнет, не забудётся, как пойманный силками перепел. Почтариха, бывало, часто заходила к Тоньке-Пчёлке домой, доставала из сумки письмо и, держа его высоко над головой, приговаривала: «Танцуй, бабка, танцуй, дед, Пчёлке от жениха привет!»

Мать – подбородком кверху, взгляд – с гостыи на письмо, и вопросительный.

– От Пупка, подруг, от него, родного, – весело говорила почтариха.

– Нашла родню, – сердилась мать; а Тонька-Пчёлка письмо в руки...

Всё это теперь позади. На первых порах письма от неё Пупок получал – она старалась отвечать, потом они стали приходиться всё реже и реже. Почувствовав от неё холодок, и сам он в своих чувствах к ней стал остывать, так что вскоре почтариха совсем перестала приносить от него письма.

С новой силой перепел забился в Пчёлкиной груди, когда стала видеть возле себя Кольку Сергую. И поняла она, что вовсе не случайно появляется он рядом с ней и весело так подшучивает, а то и подморгнёт; но, конечно, всё больше молчит и неизвестно о чём думает. На святки нарядился непонятно во что, маску-страшилку напялил на лицо – не узнать, и с ребятами к ним под окна. Тонька-Пчёлка с матерью вышли на порог: батюшки, это что же за чудо впереди всех?

– Ты кто? Ты кто? – раз за разом спрашивала мать.

А он всё фыркал, крутил головой и вдруг так громко прокричал, на всю улицу:

– Дверь открыла: это я, пьяный Колька Сергуя!

Посмеялись тогда и вспомнили, почему прилипло к нему это деревенское прозвище. Маленьким любил Колька вот так бегать по деревенской улице – удержу не было. Бегают пацанёнок, а чей он – люди попервости не знали, ну и спросили у него: мол, чей ты, мальчик, есть? Он или не сообразил сразу, что ответить, или просто испугался

чужих людей; а к нему снова с вопросом: как, мол, хлопчик, тебя зовут и кто твой отец? Тут уже он осмелел, наверно, и громко-громко выпалил: «Сергуя!», чем и рассмешил потешную компанию мужиков. На всю жизнь и остался Колька Евстифеев Сергуёй. А Колькиного отца-то звали Сергеем Игнатычем, по-деревенски Сергуёй, и вышло, что прозвище своё он сыну передал как бы по наследству, вместе с отчеством.

И вроде задружила Тонька-Пчёлка с ним. Старились ближе быть друг к другу в клубе, и провозжатым стал хорошим – рядом да рядом. Но не срослось – раздружили из-за пустяка. Ей ли страдать, что как-то отстал от неё деревенский парень Колька Сергуя! Не пришёл, – значит, не пришёл. Мать это заметила и через некоторое время спросила:

– Тоньк, чтой-то Сергуи не вижу. Всё ходил, бывало, ходил, а тут пропал он. Куда уехал?

– Никуда, – ответила ей дочь. – Поругались.

– Из-за чего?

– Не из-за чего – приревновал.

– По правде?

– Придумал.

– Ну и что теперь?

– А мне придумывать нечего, – спокойно сказала Тонька-Пчёлка. – Придумал – пусть снова теперь думает.

На этом их разговор закончился, о Сергуе как бы забыли напрочь; но в думках и мать, и Тонька-Пчёлка к нему по-тихому возвращались, потому что для них он успел стать своим.

Сергуя невысок ростом и русоголов; красивые светло-синие глаза всегда смотрят по-доброму, а на лице доброты, – наверно, на полдеревни хватит, это если будет хорошо выпивши. А так он – как все, с кем ватажится. Хотя нет, не как все: официально он – Николай Евстифеев, или просто Колька, а по-деревенски, то есть по-уличному, – Сергуя. Молодёжи в деревне – пруд пруди, но самый большой наплыв её в выходные дни: кто-то учится, кто-то где-то работает, а к концу недели в обязательном порядке к отцу с матерью. И тогда девки и ребята толпами по деревне туда-сюда, и вечером в клубе

битком набито – песни-пляски до полночи. Ясное дело, и Сергуя вместе с ними.

А за лето и вообще говорить нечего – отпуска, каникулы; но тут уже Сергую проще: уезжать никуда не надо. Пришёл он из армии и как приехал к отцовскому дому. Выучился на шофёра ещё до армии, а когда отслужил – дали ему в колхозе грузовичок. «Поработаешь на нём, – напутствовал его тогда председатель колхоза Александр Иваныч. – А там посмотрим, какой из тебя толк получится». Через год Сергуя уже сидел за рулём председательского «уазика» – новенький, только что полученный колхозом в качестве премии за высокие показатели, он сиял свежей краской даже в ненастную погоду на зависть не только другим водителям: прокатиться на нём было мечтой многих девчат. Значит, председатель высоко оценил его деловые качества, если доверил такую машину, и Сергуя был на седьмом небе.

Александр Иванычу Сергуя пришёлся ко двору: машина у него всегда была ухожена, ездил аккуратно, не лихачил, а самое главное: не особо распространялся среди людей, где бывает председатель, с кем встречается и что говорит. И вдруг разрешил ему ставить машину после работы дома – то ли считал, что так она будет целее, то ли поджеливал Сергую, это чтобы не ходить ему до гаража пешком. Так Сергуя и работал, сидя в новеньком «уазике» рядом с председателем. И не знал Александр Иваныч, что его личный водитель нет-нет да и злоупотребит его доверием: выйдет отец перед сном за угол – а машины как и не бывало, это значит: Колька опять сорвался. Зайдёт в дом и как доложит матери:

– Уже умчался. И когда успел?

В ответ ему донесётся:

– Слышала я. Удержу нету.

И она сокрушённо покачает головой; а как не сокрушаться: молодой, и в ночи до беды недалеко.

Ночи летние короткие. Глянет Сергуя: заря вечерняя в запруде поплыла; и он за ней, всё берегом, берегом, вдоль деревни, – к друзьям. А тут ещё событие: брат двоюродный, Витёк, приехал в отпуск, и уже с вечера Сергуя у него. Витёк тоже шофёр, давно работает в городе и,

по его словам, живётся ему неплохо: вот родителям привёз кучу подарков, Сергую красивую авторучку подарил: мол, путёвки будешь ею заполнять.

– Чего деньги зря тратишь? – ворчала на Витька мать. – У нас с отцом всё есть. Себе бы берёг про чёрный день.

– Ма, чёрных дней у нас вообще не будет, – возражал ей Витёк. – У нашего поколения будущее только в светлых тонах. Я вот себе, иди туда, купил костюм... цвет? Чёрный, это чтобы на светлом фоне выделяться, да и не маркий особо... и туфли, тоже чёрные.

Витёк рассказывал матери, каким нарядным он войдёт в светлое будущее, а Сергуя никак не мог понять: то ли шутит он с матерью, то ли говорит на полном серьёзе.

– Погоди, – одёргивала его мать, – ты жить по-настоящему ещё не начинал. Вот женишься, тогда...

Что будет, когда её Витёк женится, мать не сказала – на полуслове примолкла и перевела разговор на другое. Но Витёк всё о своём:

– Я в светлое будущее пойду холостым и жену себе там найду.

Сергуя представил, как франтовый Витёк туда входит, а навстречу ему ватага девчат, и все они светлолицые и в белых подвенечных нарядах. Бросил взгляд на Витька: лицо у него тоже посветлело, и взгляд такой радостный, словно Витёк туда уже вошёл и также, как он, видит эту молодую поросль из светлого будущего.

– Размечтался, – засмеялась после его слов мать. – Пока это светлое наступит, все твои невесты там состарятся, да и сам ты станешь старым и немощным.

Витёк от материнских слов особо не расстраивался: он знал, что ожидает его сегодня и что делать будет завтра. Сегодня вот снова пойдёт к Тоньке – Пчёлке, – как сам признался, она ему приглянулась. «Приглянулась – так приглянулась», – не зло подумал Сергуя, хотя на душе почему-то сделалось нехорошо; но брату не сказал ни слова, словно для него всё это было не столь важно. И ни полусловом не обмолвился, что была у него с Тонькой-Пчёлкой дружба крепкая, когда пришёл из армии в отпуск и обратился на неё внимание. До армии почему-то не заме-

тил, а тут – бабах! – и заклинило что-то в груди. Вечером в клуб заглянул: она стоит, как та самая невеста из светлого будущего – светленькая, полнолицая, глаза весёлые-весёлые; и ни с того ни с сего так посмотрела на него!.. Как посмотрела? Как-то по-особому – тепло и приветливо, что ли. И удивился: как же не заметил он её до армии?

И Евстифеев Колька, по-деревенски – Сергуя, уже ни на кого смотреть не хотел, а только на неё. Да как пошёл он выделять вокруг Тоньки-Пчёлки круги, и всё ближе и ближе к ней... Она, конечно, всё сразу поняла и ухаживания его приняла. Так и задружили, а потом вдруг в разные стороны – раздружили. Чем хвалиться?

– Сходи со мной, – попросил Витёк, – не брось одного. Вдруг кто-то у неё есть, и устроят мне тёмную.

И они пошли – сначала в клуб, где веселилась молодёжь со всех деревень; а потом из клуба – провожали Тоньку-Пчёлку, и всё той же дорогой, по которой ходил с ней Сергуя во время армейского отпуска и позднее, когда отслужил. Только теперь главным провожатым был Витёк, а Сергуя молча шёл позади, и снова всё щемило у него в груди – там, где однажды заклинило при встрече с нею в клубе. Но Сергуя пересилил это щемящее чувство тяжести и не оставил их одних.

Потом они сидели на брёвнах недалеко от Пчёлкиного дома. Витёк всё рассказывал о своей городской жизни, Тонька-Пчёлка – о своей, которую Сергуя и так хорошо знал. А что там было знать: закончила среднюю школу и скоро должна уехать учиться в город. И какая разница, кем она будет после учёбы, главное, что Сергую уже сегодня не особо хорошо: Тонька-Пчёлка совсем близко сидит к Витьку; а тот даже снял свой чёрный костюмный пиджак и накинул ей на плечи – Сергуя в стороне от них и всё видит.

Бедное его сердце, как оно выдерживало такие пытки, потому что ещё не так давно, в начале лета, с Тонькой-Пчёлкой он просиживал на этих брёвнах ночи напролёт, до самого рассвета. Витёк весёлый; каждый день всё звал и звал он Сергую проводить их с Тонькой-Пчёлкой, а тот не мог ему отказать. И совсем не родственные чувства были причиной тому. Всё верно: там,

где однажды в груди у него заклинило, не угасал огонёк страсти, которая водила его туда и до Витька. «Всё, шабаш, – в один из дней решил было Колька – Сергуя, – сегодня не пойду». Но Витёк пришёл сам. Весело поговорил с матерью, покурил на пороге с отцом и только после этого – к нему. Сергуя на лужке, ниже дома, мыл машину, выбрав свободный час, пока Александр Иванович проводил заседание правления и ехать никуда не собирался вообще. Витёк сразу выложился, с чем пришёл.

– Выручай, – горячо заговорил он, – мне скоро уезжать, а я с Пчёлкой один на один ещё ни разу так и не побыл. Дай машину или сам отвези нас куда-нибудь подальше.

Сергуя растерялся: машина председательская, вдруг что случится! Витёк заметил его нерешительность:

– Ну, выручи, будь друг...

Но Сергуя не рискнул:

– Машину не дам, но отвезти – отвезу.

И в этот же вечер Сергуя увёз их за деревню. Сразу за огородами свернул с просёлка и остановил машину возле заросшей луговины. Слышно было, как на близком пруду разговаривали заночевавшие на воде гуси, названивали в густой траве цикады, а звёздное небо было близким и тёплым – или это Сергую только казалось. Витёк с Тонькой-Пчёлкой сразу же скрылись в синем сумраке ночи; а он помаялся-помаялся где-то недалеко от них, потом сел в машину и сидел и думал, думал... Всё ругал себя, что пошёл на поводу у Витька – завтра затемно вставать и ехать с председателем в город; и вообще, за кого он при Витьке и Тоньке-Пчёлке состоит? За свидетеля, с самого первого дня их знакомства и до росписи?.. или за сводника? И ещё подумал: что думает об этом Тонька-Пчёлка, и не мучает ли её какое-либо чувство, допустим, стыда, что после него, при нём же, она обнимается с Витьком? Витьку-то всё равно...

И он завёл мотор, решившись уехать, тронулся, но через какие-то секунды передумал и затормозил. И ещё всё сидел в машине и думал, думал. Потом стал подрёмывать, но заснуть не успел: слышались неторопливые шаги и тихий разговор, через секунды открылась задняя дверца, и Витёк с Тонькой-Пчёлкой, горячо дыша ему

в затылок, плюхнулись на сиденье. Машина тут же сорвалась с места и легко набрала скорость – так быстро Сергуя не ездил никогда, особенно по деревне, где извечно яма на яме и колеи, залитые дождевой водой.

А на другой день Витёк нашёл его у правления колхоза уже с утра: плохо отдохнувший за прошедшую ночь Сергуя посапывал в машине, и как раз на том самом сиденье, которое нагревали Витёк и Тонька-Пчёлка. Он и не представлял, как будет ехать с Александр Ивановичем в город: проснулся и подъехал к правлению колхоза ко времени, но глаза его полностью так и не открылись, словно ещё досматривали прерванный тревожный сон. К счастью, поездку Александр Иванович отложил, объявив, что он сегодня не выездной; и теперь Витёк был для него как наказание, и сразу – в атаку:

– Выручай, без тебя удачи не будет. Я тебе говорил уже, что скоро на работу, значит, надо уезжать, а я с Пчёлкой как бы договорился вчера. Дай мне машину, мы уедем одни.

Услышав эти слова, Сергуя уже не растерялся, как случилось неожиданно такое с ним вчера, когда Витёк вот также уговаривал его; но теперь осторожность в нём заработала сразу: машина-то председательская! А вместе с этим что-то мешало ещё – там, в груди, мешало ему дать согласие. Пока выискивал слова – повежливей, да не обидные, – чтобы отказать, Витёк пошёл в новую атаку:

– Не бойсь, с машиной не случится ничего – ты же знаешь: я шофёр-профессионал; да и сам ты видел, давал же не раз мне порулить.

И Сергуя не устоял. Мать с отцом не усмотрели и даже не услышали, как сын нырнул в машину и по потёмкам скатился от дома под горку. А дальше – деревней, деревней, мимо всё той же запруды, по которой уплыла за огороды вечерняя заря, – до тёткиного дома.

Витёк уже давно был в нетерпении, метался вдоль дороги нарядный и наодеколоненный; а, увидев машину и появившись в свете фар, от радости сам весь засветился:

– А я уже подумал, что в пролёте: думал, кинул ты меня по-родственному, – зачастил он. – Осталось-то мне отпуска всего ничего, а я из Пчёлкиного колодчика ещё так и не попил.

Какая-то пугливая, – думаю, это при тебе она такая.

Не доезжая до клуба, они приткнули «уазик» под старыми ракетами, что росли вдоль дороги.

– Ты, того, осторожней с машиной: председательская всё же, – предупредил Сергуя.

– Будь спок, – обнадёжил его Витёк и положил ключи в карман.

4

Став городским, Витёк помаленьку отвыкал от забот и радостей своих земляков, но при всём при этом на своей малой родине чувствовал себя довольно уютно. По его словам, в город он свалил сразу же, как только вышел за порог девятилетки, – учиться дальше не захотел, потому что простая трудовая жизнь ему нравилась больше. На первых порах походил в разнорабочих на стройке, потом выучился на шофёра, от военкомата, и теперь набирался опыта на стареньком «газоне» в той же строительной организации. К родителям Витёк приезжал по выходным, но по приезду время проводил всё больше с друзьями, гостил у родственников, тем самым создавал о себе мнение как о человеке беззаботном, что, кстати, нельзя считать правильным.

Беззаботных людей на свете вообще не бывает, ведь какие-то мечты, даже самые-самые ничтожные желания неизменно преследуют человека. И тогда у него начинает болеть голова от думок: как сделать, чтобы они стали реальностью? И только; но если на большее он не способен, люди в оценке его поведения непременно сделают правильные выводы и приклеят ему ярлычок беззаботного. В данном случае люди усмотрят в нём беззаботного по отношению к родителям, которым в любом случае пригодилась бы помощь сына в домашних делах; но Витёк об этом пока не задумывался. Встречаясь с друзьями, ухаживая за девушками, если они ему даже нравились, Витёк ни одну из них никогда бы, наверно, не смог полюбить, как, например, Тоньку-Пчёлку, – он просто получал наслаждение от общения с ними, и это был его образ жизни.

Выходные дни пролетали быстро, – глядишь, а они уже на отходе, и Витьку надо думать об

отъезде; но главное при этом: что-то положить в рюкзачок, чтобы не тратиться там на продукты. Точнее, это была забота родителей о своём дитяти, а не его, загруженного заботами другого толка. Люди, да разве он беззаботный!

Витёк вошёл в клуб, с порога стрельнул взглядом по залу: Тонька-Пчёлка танцевала и, смеясь, что-то рассказывала своему партнёру, который был к нему спиной. Его увидела, взгляды их встретились, и Витёк понял: она его ждала.

А у Пчёлки перед глазами всё кружилось и радовалось – это веселилась молодость, которой нет удержу у любого поколения, и даже в самые плохие времена. Витёк поспешил пригласить её на следующий танец. По залу плыла медленная музыка со словами, наполненными нежностью и теплом влюблённых; а Витёк и Тонька-Пчёлка также медленно плыли и плыли вслед за ними, среди них – счастливые, наполненные ожиданием ещё чего-то, не изведенного в их молодой жизни.

Когда веселье закончилось, и все дружно покинули стены клуба, Витёк и Тонька-Пчёлка по-тихому нырнули под ракиты и сели в машину, какое-то время слушая, как разноголосье ручьями расплывалось по округе.

– Покатаемся? – включая фары, спросил Витёк.

– Поздно уже, пора домой, – сказала она. – Мать ругаться будет.

– А мы недолго, – успокоил он.

И машина тронулась. Потом она мягко шуршала шинами по просёлку – узкий, заросший травой, он сразу за крайними домами уводил направо; а дальше – мимо огородов, через поlynистый пустырь – в поля. Но Витёк дальше не поехал: когда в свете фар проявился пригорок, куда вчерашней ночью привозил их Сергуя, он свернул с дороги и остановил машину, открыл дверцу. Было тихо и звёздно. В траве также позванивали цикады; как и вчера, где-то посреди деревни, на пруду, вскрикивали заночевавшие на воде гуси – сонно и бестревожно. Тонька-Пчёлка сидела рядом, словно чего-то ждала. Витёк наклонился к ней, обнял и, положив голову ей на плечо, почувствовал горячее дыхание... На минуту замер, как бы выслушивая, о чём это тревожится её сердечко – так сту-

чит, так стучит, словно всему миру рассказать спешит о чём-то важном.

Потом он спрятал лицо в её волосах – они источали тонкий запах духов, ещё пахли сухим ветром лета, солнцем... и женщиной. И теперь Витёк не в состоянии был различить: Пчёлкино ли это сердце так стучит или его – то трепетно-трепетно и как бы замирая, а то как бы вразнос, безудержно и громко-громко. Витёк пересилил себя: от Тоньки-Пчёлки отстранился, ещё немного помолчал. Она тоже – ни слова, ни полслова. И в эту минуту словно пришло к ним чувство неловкости за своё поведение, за мысли, промелькнувшие в сладком сумраке ночи; но мысли их были светлые-светлые, и, может, поэтому чувство неловкости улетучилось также быстро, как и пришло оно к ним.

Витёк снова потянулся к Тоньке-Пчёлке, но она мягко отвела его руку в сторону.

– Давай походим, – сказала почти шёпотом.

– Всегда готов, как пионер, – шутиливо отпартовал он; и тут же с лёгкостью выпрыгнул из машины, быстро-быстро обежал её спереди и, открыв дверцу, протянул ей руку. – Прошу, мадам Пчёлка.

Она непринуждённо рассмеялась – шутка понравилась, как и сам Витёк день ото дня ей нравился всё больше. «Нет, – думала она, – Витёк совсем не такой, как тот Витёк, Пупок который; и совсем не такой, каким он показался ей в самый первый вечер». И ещё подумала, что ухажёры у неё всё Витьки да Витьки, правда, все они разные. Этот весёлый и самостоятельный... А как смотрит он на неё! И руки горячие – это от любви у него...

А Витёк говорил, говорил – то о своей городской жизни, какая она интересная у него, то о друзьях-товарищах, то анекдотом рассмешит. И вдруг пообещал:

– Будешь учиться в Орле – поведу тебя в театр, как только сезон откроется.

У Тоньки-Пчёлки душа тает; а сам он всё вокруг неё – то с одной стороны, то с другой, потом обнял, прижал к себе и шепчет, шепчет какие-то хорошие слова. Губы его у самого уха шелестят – горячие-горячие, приятно так щекочит и зовут её, зовут... Сознание у Тоньки-Пчёлки затуманилось, и туман был светлым-светлым,

как эта пахнущая мёдом ночь, плывущая над ними...

Очнулась она неожиданно. И потом всё представить себе не могла, как это она оказалась на том пригорке под Витьком, а он, всё так же мурлыкая какие-то слова, уже расстегивал на груди кофточку... И куда делась в её душе умиротворённость: дрогнуло в испуге девичье сердечко и сразу огрубело; и как холодной волной окатило – это охватил её ужас. И откуда силы взялись – отлетел Витёк в сторону, она вскочила и через считанные секунды уже мчалась по тёплому сумраку ночи, не разбирая дороги. Колючки и крапива обжигали ей ноги, у крайнего дома отхлестали по лицу ветки какого-то дерева, повисшие низко над землёй. По деревенской улице не побежала – вдруг кто-то встретится! – а свернула в проулок, и дальше огородами, огородами. Уже дома хватилась: туфельки на одной ноге нет, без платка.

Витёк подъехал к их дому, наверно, через час. Думая, что Тонька-Пчёлка ещё не пришла, стоял на дороге и ждал. Мать спала чутко, проснулась на шум мотора и – к дочери:

– Чего лежишь, иди – он ждёт.

– Отстань, – сердито отозвалась она.

– Что, или опять поругались?

– Да, – не стала скрывать Тонька-Пчёлка.

– погоди, всё отцу расскажу, – пригрозила ей мать. – Ты у нас погуляешь.

Что имела в виду мать, она так и не поняла. Очевидно, всё ещё думала, что это Колька Сергуя тарактит на дороге, напротив дома. Нет, мамочка, не Сергуя. Наутро Тоньке-Пчёлке надо было уезжать в город, сдавать документы в профтехучилище; и когда он подъехал за ней, мать всё смотрела в его сторону каким-то виноватым взглядом, словно хотела извиниться за свою непутёвую дочь.

В этот же день должен был уезжать и Витёк. Сергуя заехал и за ним. Ехали – молчали, ни слова, ни полслова. Витёк сразу убежал в вокзал за билетом; а когда пошла от машины она, Сергуя спросил:

– Во сколько приедешь? А то встречу.

И Пчёлкино сердце снова дрогнуло, отозвалось добром.

Он стоял возле машины – какой-то нескладный, в простых укороченных штанах, в штиблетах

на босу ногу; и взгляд его был робким-робким, словно стоял перед ней не Колька Сергуя, уже отслуживший в армии, а совсем беззащитный ребёнок. И Тонька-Пчёлка поняла, что Колька Сергуя – это её судьба; а то, что осталось в жизни позади, – это было для них испытанием, посланным свыше.

* * *

Тихо и тепло. Бабушка Маруся сидит возле дома на лавочке и, щурясь, смотрит на дорогу – она рядом, в десяти шагах; и не какая-нибудь колеистая, по которой она проходила свои лучшие годы, а настоящая бетонка, ровная и широкая. Та, изрытая тракторами и машинами, просыхающая разве что в жаркие летние месяцы, проходит по старой деревенской улице, ниже её дома, который она покинула уже много лет назад. С болью в душе расставалась с ним, хотя со стороны её перемена места жительства была похожа на праздник. Так, наверно, думали в деревне, когда подкатил к её дому зять Колька Сергуя, и ловкие ребята под его приглядом переправили в кузов грузовика всё нажитое вместе с покойным мужем. Бывший разведчик лежал на местном кладбище, вдова перебралась в центральную часть деревни, к зятю; и дом на старой деревенской улице осиротел, поглядывая слепыми окнами на ту самую дорогу, по которой увёз её к себе зять. Правда, сиротой он оставался недолго: пришли новые жильцы, и жизнь в нём снова пошла по кругу.

Так получилось, что свела всё-таки судьба Тоньку-Пчёлку с Колькой – Сергуёй. И вот сидит она возле зятева дома и перебирает в памяти сохранившееся из той жизни. Дом зятю построил колхоз – нормальный дом, красивый, просторный, с тёплой верандой; и в нём для жизни всё: вода, газ, даже горшок обустроили в доме. Конечно, не сразу свалились на них такие блага. Сначала он увёз Тоньку-Пчёлку в родительский дом, это в соседнюю деревню, и жили там вроде нормально. Сергуя был парнем тихим, но иногда вспыхивал как спичка. Выпивал помаленьку, но Тонька-Пчёлка его всё равно за это ругала. А ещё он мог её приревновать – к кому угодно, даже к электрическому столбу,

и тогда они вспыхивали вместе, так что надо было этот пожар тушить в срочном порядке. Пожарники когда успевали примчаться, когда запаздывали, а в итоге без последствий не обошлось.

«Господи, поди угадай, за кого замуж выйди, когда замужняя пора подойдёт, – и старушка тяжело вздыхает. – Правильно говорят, что дочку замуж выдать – не пирог испечь». Но Колька Сергуя из всех деревенских молодожёнов тоже ничем особо не выделялся: по хозяйству делал всё, а праздники не пропускал и в меру был драчлив, конечно, если это не касалось его чести; и в то же время был отходчив. Сидит Маруська, перебирает события из прошлого на пыльных полочках своей непрочной памяти – и плохое, и хорошее там залежалось, словно какие старые вещи: взял с полочки, тряхнул маленько – а пыль и слетела, и как бы явственней, свежее, что ли, видится.

Вот Пчёлочка приходит в родительский дом с мальцом, а в руке ещё узел с какими-то вещами. Живёт день, живёт два, как не думает уходить к мужу, и ничего не говорит.

– Надолго, дочь, пришла? – спросил отец.

– Не знаю, может, насовсем.

– Как это понимать?

– А так и понимать: ушла я от него.

– Что за причина?

– Изо дня в день одно и то же. Во всяком случае, я не о такой жизни с ним мечтала.

Через несколько дней пошла она к нему, думала забрать вещи. Зашла в дом – никого, ну и стала складывать в узел самое необходимое, даже валенки достала новые: как без них, зима подступала. И вдруг он заходит. Как же обрадовался, сразу весь засветился... Но тут же и угас, вопросительно так посмотрел на неё и спрашивает:

– Ты куда это собралась?

– Домой, – отвечает Тонька-Пчёлка.

– Вот твой дом, и живи.

С этими словами сгрёб он с пола в охাপку все её тряпки, что уже собрала, и побросал их назад в шифоньер, и валенки полетели туда же. Ещё через минуту перебуркнулся с соседом: мол, сгоняй на полустанок, в магазин – за магарычом; а сам её в машину и – к тёще с тестем, за мальцом.

Вспомнился старушке и ещё один такой случай, когда также вот пришла она в родительский дом, но тут уже отец не дал у них ей задержаться. Он сразу же сдёрнул брови, нахмурился. Потом собрал в узел её вещи, положил его возле порога и – к ней:

– Вот твои тряпки – забирай и уходи, куда мы тебя замуж отдали. Но больше сюда не приходи после ваших домашних концертов. А с ним я ещё поговорю – передай ему это.

Бывший разведчик в семейных делах неприятеля обнаруживал сразу и умел его побеждать.

Всё осталось там, в прошлом. В доме зятя Маруська не чувствовала себя стеснённой, потому что добрая душа Кольки Сергуи как бы нуждалась во внимании и заботе людей, однажды ставших для него родными. Тонька-Пчёлка с утра в детском саду, которым заведует уже много лет; Колька Сергуя на своей работе – он также за рулём, но ездит теперь на грузовике и по всему прибудётся к дому только вечером. А бабушка Маруся возле дома не одна, ещё с ней правнучка Настя, которая всё ходила и ходила по двору кругами и что-то напевала, потом скрылась за углом веранды и притихла.

«Куда-то пропала, – забеспокоилась старушка, – надо искать».

Она встала и заглянула за угол: правнучка держала в руках банку с красной краской и кистью рисовала на стене пчелу – большую-большую, и даже с жалом, таким же большим. И бабушка Маруся чуть не умерла! А как не умереть: стену-то правнучка испортила.

Пришла с работы Тонька-Пчёлка, уже давно ставшая бабушкой: Настя – её внучка. Посмотрела бабушка Пчела на внучкину работу и похвалила её:

– Ма, какая же она молодец! Ты посмотри: пчела! А красива что!..

– Ну и дура же ты, – возразила мать. – Ребёнок загубил стену, а ей хорошо. И так все смеются над тобой, и хочешь, чтобы дальше смеялись.

Настя тут как тут – лицо в довольстве и по-детски чистый взгляд:

– Ба, ты же ничего не понимаешь: это её визитная карточка...